9. Suprun A.E. Tekstovye reminiscencii kak jazykovoe javlenie // Voprosy jazykoznanija. 1995. № 6. S. 17–29.

10. Fateeva N.A. Tipologija intertekstual'nyh jelementov i svjazej v hudozhestvennoj rechi // Izvestija AN. Ser. lit. i jaz. 1998. T. 57. № 5. S. 25–38.

Correlation of epigraphs and literary reminiscences of the main text in the work by C. Funke "Inkheart"

There is revealed one of the functions of epigraphs when it marks the literary reminiscences of the main text. Thus the epigraph correlates with intertextuality of various explicit level in the whole text regardless the chapter it precedes.

Key words: *epigraph, functions of epigraph, literary reminiscences, precedence texts, thematic intertextuality, explicit intertextuality, implicit intertextuality.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2015)

О.И. ПАШКЕВИЧ
(Якутск)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ В.С. СОЛОВЬЁВА-БОЛОТ БООТУРА

На материале произведений якутского писателя В.С. Соловьёва-Болот Боотура рассматриваются особенности отражения национального менталитета, которые проявились в сюжетах романов, поэтике, мировосприятии. Книги этого автора представляют благодатный материал для изучения национальной психологии народов Севера.

Ключевые слова: *менталитет, якутская литература, национальный характер, поэтика, обычаи.*

Слово «менталитет» стало одним из наиболее употребляемых в последнее время. В зарубежной историографии применение этого термина связывается с именами М. Блока и Л. Февра, основавших в 1929 г. в Париже журнал «Анналы экономической и социальной истории». Взгляды анналистов были широко известны уже перед Второй мировой войной, но более глубокое изучение истории ментальностей как интегральной части социальной истории началось с 1960-х гг.

В настоящее время, наряду с термином «менталитет», употребляются и производные от него понятия. Постоянно стало использоваться прилагательное «ментальный», а от него, в свою очередь, был образован термин «ментальность». Вслед за историками его быстро освоили философы, психологи, культурологи и социологи.

Плодотворно над проблемой менталитета в литературе работает Г.Д. Гачев, который вместо термина «менталитет» ввёл определения «национальный космопсихологос» и «национальный образ мира». Он поясняет: «Искомую национальную целостность я определяю как Космо-Психо-Логос. Подобно тому, как каждое существо есть троичное единство: тело, душа и дух, – так и всякая национальная целостность есть единство местной природы (Космос), характера народа (Психея), склада мышления (Логос)» [5, с. 33].

В своих работах учёный опирается на художественные произведения, которые для него «как бы национальное устройство мира в удвоении». Он отмечает, что исследование данного вопроса связано со многими трудностями. Анализ размышлений Г.Д. Гачева даёт основание полагать, что для рассмотрения национального менталитета литературные тексты необходимо анализировать по таким аспектам, как индивидуум – семья – общество; сексуальность – любовь; религиозность; тело и душа; болезни; радость – счастье – страдание; страхи и надежды; праздники; возрастные особенности; умирание и смерть; общение; чужое и собственное; природа и окружающий мир, пространство, время и история.

Пристальное внимание к менталитету объясняется разными причинами. Авторы статьи «Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен» Е.А. Ануфриев и Л.В. Лесная считают, что «изучение российского менталитета позволяет глубже понять смысл отечественной истории, истоки российской государственности, духовности, патриотизма, что имеет огромное значение для процесса возрождения России» [1, с. 17].

Не менее убедительно, на наш взгляд, выглядит точка зрения С.И. Гармаевой и С.М. Орус-оол, полагающих, что науке в сегодняшнем мире приходится решать «сложные проблемы фундаментального и приклад-

© Пашкевич О.И., 2015

ного характера, которые отражают одну из главных целей современного общества и личности – вписаться с наименьшими потерями в мир глобализации и интеграции» [4, с. 145]. Именно эти процессы, по мнению исследователей, актуализировали проблемы национальной идентичности и менталитета.

Отражению национального менталитета в литературе посвящены труды А.А. Бурцева [2], Е.Ю. Дамдиновой [6], Ю.А. Карасевой [7], А.Н. Мыреевой-Баишевой [8], Е.С. Фадеевой [13] и др.

При рассмотрении данной темы мы исходим из того, что художественный текст содержит в себе отпечаток мировоззрения, языка, а следовательно, и национального менталитета автора. Под национальным менталитетом понимаются «присущие национальной общности устойчивые коллективные представления о мире, реализующиеся в установках на предрасположенность к усвоению национально-социокультурных ценностей, что влияет на специфику поведения людей, социальные отношения и культуру» [12, с. 397].

Передать национальное мировосприятие, неповторимость северных народов в полной мере удалось народному писателю Якутии В.С. Соловьёву-Болот Боотуру (1915–1993). На становление Болот Боотура как мастера слова повлияли яркие впечатления детства, которое пришлось на годы затянувшейся в Якутии гражданской войны и установления советской власти. С ранних лет В.С. Соловьёв был знаком с устным народным творчеством, потому что имел возможность слушать известных олонхосутов, а порой и сам делал попытки импровизации в области народных преданий и богатырского эпоса.

Полагаем, не случайно самым первым крупным литературным трудом В.С. Соловьёва стала поэма «Тот день», изданная отдельной книгой в 1958 г. По словам Д.Е. Васильевой, поэтическое произведение «написано в русле традиционного повествования, с широким использованием приёмов художественного постижения мира как в устном народном творчестве, передающих национальное своеобразие жизни якутов» [3, с. 109].

В 1971 г. вышел в свет роман «Сааскы дьыбардар» («Весенние заморозки»), который правдиво отразил жизнь и быт эвенов в сложный период революционных событий на Крайнем Севере. Главный герой произведения Сергечан Никулин – типичный охотник, ведущий кочевой образ жизни. Литературоведы отмечают, что «у народов Сибири и Центральной Азии, где во многом средством выживания человека была охота, образ охотника особенно популярен и содержательно значителен» [4, с. 145]. Эти слова вполне приемлемы и для характеристики литературы народов Севера. В романе отец большого семейства, искусный следопыт Сергечан показан человеком энергичным, способным без ружья добыть пушнину, чтобы на вырученные от её продажи деньги купить товары первой необходимости. Автор подчёркивает такие черты в характере героя, как трудолюбие и честность. Однако Сергечан часто испытывает чувство вины из-за того, что его дети сидят голодными. Благополучие его семьи целиком зависит от удачной или неудачной охоты хозяина. Писатель говорит о моральных принципах своего героя следующее: «Нет, Сергечан никогда без нужды не убьёт ни куропатки, ни оленя… Орла, ворона или даже сову зря погубишь – навлечёшь на себя гнев создательницы Айны и великого Тангара, хранящего судьбы и благополучие людей» [10, с. 19]. По представлениям эвенов, эвенков и якутов, Айыы – верхнее божество или Бог-творец, материальным воплощением которого у тунгусоязычных народов, в том числе эвенов, выступает послед, связывающий ребёнка с его покровителями (небесными божествами).

Как и у других северных народов, у эвенов существовал культ «хозяев» природы и стихий: тайги, огня, воды и т.д., а также особый культ голубого неба и солнца. Солнце и солнечные лучи мыслились как источники жизни: «Показалось солнце, осветило горы вокруг – заблестели обындевевшие скалы, засверкали. Радостно увидеть солнце после долгой зимы» [Там же, с. 21].

Культ небесного светила проявляется и в обряде встречи солнца и нового года, и в традиционном хороводном танце «һээдьэ» – «дьэһэрийэ». Болот Боотур описал этот процесс так: «Все становились в круг. Человек шестьдесят, взявшись под мышки, подпрыгивали. И, казалось, висели, раскачиваясь в воздухе» [Там же, с. 77].

В книге красочно показаны конкретно-исторические, социально-бытовые и природно-климатические условия жизни эвенов. Болот Боотур даёт подробное описание убранства жилища: «Внутри яранги гудела большая железная, на каменном основании, печь. На ней паром пыхали медный котёл с ведро и такой же огромный медный чайник… Стен не видно – плотно уставлены всяким скарбом… Посреди яранги натянута вроде бы палатка из четырёх полос узорчатой дублёной ровдуги» [Там же, с. 68].

Образ жизни северного народа автор романа характеризует так: «Долгую зиму эвены кочуют по горам и лесам порознь в поисках добычи. А с весны сходятся, живут на стойбище дружно, согласно, одной семьёй. Всякую добычу делят поровну» [10, с. 76–77].

В психологическом и моральном облике персонажей романа проявились сложность и противоречивость переходного периода. Так, смелый и добрый Сергечан очень доверчив и наивен. Он глубоко убеждён в могуществе имущих классов и беспрекословно выполняет все поручения бывшего князца Уянди Урэкина, торговца Ремисова и др. Строго придерживается он и прежних традиций и обычаев, потому за небольшой калым, полученный когда-то от князца, отдаёт свою любимую дочку Аничу в домашние работницы.

Именно Анича оказывает большое влияние на духовную эволюцию Сергечана. Смелая и самостоятельная девушка – удачливая охотница. Она не только прекрасно ориентируется в бескрайней тундре, но и хорошо разбирается в людях. Наблюдательность помогает понять девушке хитрые уловки Джэргэ Ремисова, пытающего ухаживать за ней.

Болот Боотур передаёт и национальный образ мышления, национальное восприятие своих героев. Таково, к примеру, единение Аничи с природой: «Сколько раз бывала тут и всегда будто новое видит. Анича раскинула руки, словно хотела обнять все эти сверкающие на солнце горы» [Там же, с. 21]. Приехав в посёлок Уянди, девушка больше всего удивляется бревенчатому дому, выступающему над тордохами, юртами, урасами: «Такой ничем не укутанный голый дом! А брёвна с боков, ну совсем как рёбра у ободранной лисицы… В стороне от деревянного дома стояли две низенькие юрты, обмазанные глиной. Окна – ледышки, у самой земли, смотрят будто глаза кабарги» [Там же, с. 114]. По замечанию Д.Е. Васильевой, «окна якутской юрты сравнить с глазами кабарги могут только эвены» [3, с. 52].

Национальная ментальность отразилась и в образотворчестве. Например, писатель часто использует такие объекты, как снег, лёд: «Изо рта, точно две ледяные сосульки, торчали клыки» (о кабарге) [10, с. 21].

В другом месте Болот Боотур пишет о персонажах: «Как отец их разбился насмерть, остались Ивачаан со старухой Эяндей на голом снегу» [Там же, с. 167]. Выражение «остаться на голом снегу», на наш взгляд, точно передаёт национальную ментальность, потому что оно сообщает, что люди не только ничего не имеют, но и находятся в суровых климатических условиях, в которых невозможно выжить без жилища, без очага. В русском языке есть схожие по смыслу пословицы «Остался гол как сокол» или «У него ни кола, ни двора», но ими характеризуют бедного человека. Словосочетание «на голом снегу» не только свидетельствует о материальном неблагополучии героев, но и передаёт ощущение холода и безысходности.

Поэтика романа также национально колоритна. В сравнениях часто используется образ оленя: «и кажется ей, не Анича она, а оленьманщик» [10, с. 74], «как рога оленя-самца расходятся, так и мы с моим тойоном» [Там же, с. 276], «Казалось, не камень – олень пригрелся на солнышке» [Там же, с. 287].

Времяисчисление у эвенов также носит национальную окраску: «Думаешь, зря я здесь проторчал столько времени, что котёл с мясом три раза закипел бы?» Гармонично выглядит и пространственная картина произведения, которая состоит из двух противоположных друг другу миров. С одной стороны, локализованная в тундре семья Сергечана Никулина, с другой – село Уянди. Представление происходящего также служит раскрытию характера человека тундры; в описании хронотопа села Уянди быт, нравы, воззрения людей села изображены автором как полная противоположность быту «природных» людей. «На фоне природного хронотопа здесь наиболее ярко вырисовывается совершенно другой характер времени: ритмическая организация сюжета подвергается ускорению, жизнь жителей наслега насыщена событиями» [9, с. 9].

Если в произведении «Весенние заморозки» дана общая картина исторического развития эвенского народа, то роман-трилогия «Үһүктүү» («Пробуждение») представляет повествование о жизни якутов в конце XIX и начале XX в.

В нем переплетаются события, происходящие в улусе и в городе. Болот Боотур раскрывает конфликт двух непримиримых групп – богатых людей Чуорайского улуса с бедным населением. Причиной разногласий послужило намерение бая Сабардама спустить воду озера Халангатты в речку. Хамначчиты и некоторые служители культа, как, например, удаганка Марья Дыгыя, выступают против такого решения.

Как отмечалось нами выше, национальное мировосприятие отличается в первую очередь тем, как оно трактует происхождение мира и всего находящегося в нём. Якуты полагали, что у каждой реки и озера есть свой дух – иччи, и это настораживает Сабардама: «Хуже всего, что озеро почитается священным. И зовут-то

его в народе не Халангатта, а кто – Бабушкой, кто – Матушкой-кормилицей» [11, с. 100]. Потому закономерно, что действия богача встречают активное сопротивление. В произведении также показаны традиции, соблюдаемые во время охоты, при обращении с огнём.

Представления якутов о происхождении и устройстве Вселенной нашли отражение при описании обряда, связанного с рождением ребёнка. Структура Вселенной, согласно национальному мировидению народа саха, включает три мира: Верхний – небеса, Средний – Орто дойду, земля и Нижний – Аллара дойду, преисподняя. Верхний мир населяют айыы – творцы, создатели, божества, которые дают людям те или иные блага, если у них нет причин быть недовольными ими. Считалось, что роженицам покровительствует госпожа Айыыһыт.

Родильный обряд у якутов представлен на первых страницах романа «Пробуждение», описывающих домашнюю обстановку бедного хамначчита Митрия Кырбыйданова. Постоялец этой семьи Никулай Иситчит, сидя перед камельком, талантливо рассказывает обитателям юрты о трудном единоборстве богатыря Срединного мира Нюргуна Боотура с кровожадным дьяволом Уот Усутаки. В то время, когда олонхосут пел сказания, у молодой снохи Кырбыйдановых Евдокии начались схватки. Приглашённая для помощи при родах удаганка Марья-повитуха обещает, что «Ийэхсит смилостивится, Айыысыт сжалится», после чего причитает певучим голосом: «Человек в Срединный мир явился, с луком в одной руке, с топором в другой руке. Врагов разить, беду отводить, дрова рубить, очаг разводить, скот размножать, род продолжать… Скорее плесните масла в огонь, пусть радуется уголёк – отметку сделаю на лбу ребёнка… Тогда только примет его под своё покровительство дух – хозяин очага, и убережёт от сыпи и хвори, от боли и горя» [11, с. 9].

Как и в романе «Весенние заморозки», Болот Боотур показывает человека в полном взаимодействии и слиянии с природой. Это проявилось, в частности, в почитании священных деревьев. Якуты называли берёзу барынейдеревом, а её «щётку» (известная уродливость корневища) – высшим по красоте древесным материалом. Из неё искусные мастера (в трилогии таковым является Никулай Иситчит) изготавливали различные поделки. Когда Никулай колдует над своей посудой, то «душа его поёт, как птичка весной».

В трилогии показаны взаимоотношения поколений, традиции этнопедагогики, дано представление героев о счастье. Так, Киргеляй полагает, что быть счастливым – это иметь свой дом, двор с клетями и амбарами, много одежды и еды. В понимании Евдокии, главное, чтобы люди понимали друг друга, что, несомненно, свидетельствует о её высокой духовности. Не может она согласиться и с рассуждениями Батарак-олы о том, что дедовские обычаи устарели: «Если каждый полетит, как птица, куда захочет, и станет жить, как вы живёте, без труда и забот, кто же всех нас кормить будет? Детей растить?».

Тонко подмечает писатель и черты национальной психологии, например, выражение чувств. Для его передачи он сравнивает поведение русских и якутов: «Странные эти русские. Чуть что целоваться лезут. У нас, якутов, это не принято. Даже в крещение только делают вид, что целуются», – размышляет Яким.

Таким образом, можно сказать, что в творчестве Болот Боотура получили отражение особенности национального менталитета эвенов и народа саха. Используя фольклорные и этнографические материалы, архивные документы, писатель создал широкое полотно народной жизни. Употребление пословиц и поговорок, красочных эпитетов и сравнений помогло передать традиции народов Севера, их мировосприятие.

Список литературы

1. Ануфриев Е.А., Лесная Л.В. Российская ментальность как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 16–27.

2. Бурцев А.А. Классики и современники: вершинные явления и избранные лики якутской литературы. Якутск: Сфера, 2013.

3. Васильева Д.Е. Народные писатели Якутии. Якутск: Бичик, 1995.

4. Гармаева С.И., Орус-оол С.М. Евразийская модель в динамике современной художественной картины мира // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Филология. 2013. Вып. 10. С. 144–147.

5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Академия, 1998.

6. Дамдинова Е.Ю. Особенности отражения национальной ментальности в бурятской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 4. С. 53–55.

7. Карасева Ю.А. Художественный текст как источник национально-культурной информации и выразитель национальной ментальности: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2012.

8. Мыреева-Баишева А.Н. Литература и время. Якутск: Бичик, 2010.

9. Ноева С.Е. «Одухотворённый космос определил быт человека Севера…» // Полярная звезда. 2015. № 2. С. 8–17.

10. Соловьёв-Болот Боотур В.С. Весенние заморозки. М.: Современник, 1974.

11. Соловьёв-Болот Боотур В.С. Пробуждение. М.: Современник, 1978.

12. Трофимов В.К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета. Ижевск: Ижевская ГСХА, 2008.

13. Фадеева Е.С. Проблема национального менталитета в новеллах У. Сарояна «Андраник армянский» и «Семьдесят тысяч ассирийцев» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 132–139.

* * *

1. Anufriev E.A., Lesnaja L.V. Rossijskaja mental'nost' kak social'no-politicheskij i duhovnyj fenomen // Social'no-politicheskij zhurnal. 1997. № 3. S. 16–27.

2. Burcev A.A. Klassiki i sovremenniki: vershinnye javlenija i izbrannye liki jakutskoj literatury. Jakutsk: Sfera, 2013.

3. Vasil'eva D.E. Narodnye pisateli Jakutii. Jakutsk: Bichik, 1995.

4. Garmaeva S.I., Orus S.M.-ool Evrazijskaja model' v dinamike sovremennoj hudozhestvennoj kartiny mira // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologija. 2013. Vyp. 10. S. 144–147.

5. Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. M.: Akademija, 1998.

6. Damdinova E.Ju. Osobennosti otrazhenija nacional'noj mental'nosti v burjatskoj literature // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 4. S. 53–55.

7. Karaseva Ju.A. Hudozhestvennyj tekst kak istochnik nacional'no-kul'turnoj informacii i vyrazitel' nacional'noj mental'nosti: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 2012.

8. Myreeva-Baisheva A.N. Literatura i vremja. Jakutsk: Bichik, 2010.

9. Noeva S.E. «Oduhotvorjonnyj kosmos opredelil byt cheloveka Severa…» // Poljarnaja zvezda. 2015. № 2. S. 8–17.

10. Solov'jov-Bolot Bootur V.S. Vesennie zamorozki. M.: Sovremennik, 1974.

11. Solov'jov-Bolot Bootur V.S. Probuzhdenie. M.: Sovremennik, 1978.

12. Trofimov V.K. Dusha Rossii: istoki, sushhnost' i sociokul'turnoe znachenie russkogo mentaliteta. Izhevsk: Izhevskaja GSHA, 2008.

13. Fadeeva E.S. Problema nacional'nogo mentaliteta v novellah U. Sarojana «Andranik armjanskij» i «Sem'desjat tysjach assirijcev» // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologija. Zhurnalistika. 2008. № 2. S. 132–139.

National image of the world in the creative works by V.S. Soloviov – Bolot Bootur

Based on the works by a Yakut writer V.S. Soloviov – Bolot Bootur there are considered the peculiarities of the national mentality reflection in the plots of the novels, poetics, world perception. The author's books are a beneficial material for study of the national psychology of northern nations.

Key words: *mentality, Yakut literature, national character, poetics, customs.*

(Статья поступила в редакцию 5.06.2015)

Н.Л. ФЕСЯНОВА, Г.Р. ПАТЕНКО
(Набережные Челны)

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПОЭЗИЯ УИЛЬЯМА ДИНА ХОУЭЛЛСА

Прослеживаются религиозно-философские аспекты поэзии Уильяма Дина Хоуэллса, которые открывают новые горизонты для понимания его творчества. Он не был поэтом в художественном смысле, но он был поэтом во взгляде на жизнь. В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка оценить религиозно-философскую основу поэтических произведений поэта.

Ключевые слова: *поэт-философ, религиозно-философский смысл, жизнь и смерть, спасение, человек и Бог.*

Уильяма Дина Хоуэллса по праву можно назвать поэтом-философом, т.к. большая часть его стихотворений являет собой отпечаток глубоких авторских размышлений. В научно-критической литературе его рассматривают как «декана» американской литературы, адепта реализма и совсем не уделяют внимания поэтической грани его творчества. В справочной литературе он упоминается как поэт, но не очерчивается его поэтическое наследие. Как справедливо замечает Э. Ринкер, *исследователи подлинно не раскрыли американскую по-*

© Фесянова Н.Л., Патенко Г.Р., 2015